

- 3 МАР 1948

Анна КАРАВАЕВА
М. КОЛОСОВ

СЛОВО И ЖИЗНЬ

В мемориальные комнаты обычно не входят, а только стоят перед открытой дверью, поперек которой протянут шнур, как бы напоминающий: когда-то в этих стенах была жизнь, а теперь это лишь предмет изучения и воспоминаний. Но все мы, встретившиеся на днях в музее Николая Островского, не только вошли в мемориальную комнату, но и разместились в ней так же непринужденно, как, бывало, при жизни писателя сидели здесь по вечерам.

Так же мягко пламенеет свет лампы, накрытой куском алого шелка; так же расставлена знакомая мебель, а на столике возле кровати, как когда-то в рабочие часы, стоит пишущая машинка, на валике которой белеет начатая страница, одна из страниц романа «Рожденные бурей». Но не только эти, давно знакомые, предметы создают впечатление продолжающейся здесь жизни, а, главным образом, — наша общая дружеская беседа. Среди нас, старых друзей, находятся люди, с которыми мы познакомились только сегодня вечером. Это нисколько не мешает взаимному пониманию и единодушию. В нашем оживленном разговоре нет решительно ничего «музейного»; напротив, все дышит сегодняшним днем. И кажется, что Николай Островский лежит тут же на постели, запрокинув голову, и слушает нас со своей обаятельной улыбкой, которая так часто преображала его, на первый взгляд, безжизненное лицо, — с улыбкой, которая, к сожалению, не запечатлена ни на одном портрете писателя...

Новые наши знакомые — разметчик ленинградского завода «Красный выборжец» Дубинин, мастер московского завода «Фрезер» Пыжов, заместитель секретаря комсомольской организации «Фрезера» Кирилличев, журналист Лившиц и Алевтина Зенко, секретарь Московского райсовета Ленинграда.

В нашей беседе то и дело сплетаются воедино книга писателя и жизнь народа. Годы войны и мира встают перед нами. Как помогает нам в труде наша духовная культура — культура социалистического общества! Какой яркий свет бросает она далеко за пределы нашего государства... Кто-то вспоминает о письме, которое получила мать Николая Островского от югославских юношей и девушек. Они прорубали в горах своей родины железную дорогу и написали это письмо при свете ночного костра. И, видимо, им было очень нужно, душевнo необходимо написать это письмо, как нам сегодня — сойтись в музее Островского и дружно поговорить...

Да, образ Корчагина живет в мире.

...В те трудные дни, когда сталинградцы-воины отстаивали каждый дом священного для нас города, а сталинградцы-

рабочие под огнем продолжали в цехах производить оружие, лейтенант Пасхин на заводе, находившемся уже на линии боя, беседовал при свете лучины с комсомольцами о том, есть ли предел мужества.

Воскресив в памяти любимый образ героя книги «Как закалялась сталь», он доказывал, что мужество беспрельдно, если человек знает, за что воюет. Он думал, что говорит только о сталинградцах, о людях фронта; он и не мог догадаться, что в это время, далеко на Урале, комсомольцы Ирбитского завода сговорились называть самых передовых своих товарищей корчагинцами. После войны они отправили в сочинский музей Николая Островского подарок — дорогую вазу — и письмом, в котором просто и сердечно поведали о том, как герой художественного произведения сошел со страниц книги и своим примером поддерживал людей и помогал им в эту ковать победу.

Об этом письме ирбитских комсомольцев вспоминает теперь Григорий Матвеевич Дубинин. Потомственный рабочий завода «Красный выборжец», Дубинин месяц тому назад отдыхал в Сочи, уже выполнив свою пятилетнюю норму. В сочинском музее он задумался над этим письмом. Он живо представил себе дружную кучку юных ирбитских рабочих, которые с молодой горячностью ввели Павла Корчагина в свою жизнь, сделав его имя знаменем труда. Письмо растрогало Григория Матвеевича. Ему ли, фронтовику, было не знать, что многие молодые воины в частях Советской Армии и Флота называли себя корчагинцами.

Теперь, в дни послевоенной сталинской пятилетки, по-новому свежо и волнующе звучало напоминание о Павле Корчагине. Дубинин рассказывает, как он поделился своими мыслями с отдыхающими и нашел среди них живой отклик. Вот они снова собрались теперь в Москве, его сочинские товарищи: тут и 56-летний Иван Ильич Пыжов и молодая девушка-москвичка Катя Федорова. Год тому назад она по собственному желанию перешла из бухгалтерии в литейный цех завода «Шарикоподшипник» и стала мастером.

Для каждого из них книга и жизнь неразделимы. Это замечательная особенность советского человека. Дубинин из Сочи написал секретарю своей партийной организации и вложил письмо в книгу «Как закалялась сталь» с автографом Екатерины Алексеевны Островской, сестры писателя. Сейчас, когда он рассказывает нам об этом, остановившись в столице по пути в Ленинград, он уже получил ответное письмо с родного завода, — там уже называют корчагинцами молодых ребят из бригады Журавлева. Они недавно окончили ремесленное училище. На заводе всегда считали, что на гидропрессе в 1.500

тонн могут работать только старые опытные рабочие. Между тем, молодая бригада не только научилась работать на прессе, но и установила новый обычай: в каждую смену увеличивать число операций.

Старый металлист, непартийный большевик Иван Ильич Пыжов, вернувшись после отдыха на свой родной «Фрезер», тоже поделился своими соображениями с некоторыми коммунистами и комсомольцами. И на «Фрезере» появились корчагинцы — отличники производства...

Каждый из нас, участников беседы, понимает и чувствует одно — самое главное: если комсомольско-молодежная бригада присваивает себе, как высокую честь, имя героя любимой книги, это значит, что мастерство молодых стахановцев окрашено в цвета подлинной поэзии, и этот трудотворчество представляет собою одну из прекрасных черт того нового, в чем уже дышит коммунизм! Эта черта может проявиться лишь благодаря тому, что советский человек трудится, творит, действует в огромной орбите социалистического соревнования и стахановского движения, неустанно обогащаемого созидательной волей трудового народа, его любовью к Родине и его непрерывным культурно-политическим ростом.

Живя в атмосфере трудового порыва, молодой человек и девушка выбирают себе девиз и пример, их вдохновляющий, они следуют ему, как голос поющего следует мелодии и словам песни. В великом наследстве нашей духовной культуры советская молодежь находит много славных имен и светлых образов, которые служат ей примером и девизом.

«Да здравствует жизнь!» — так сказал Николай Островский, когда ему вручали орден Ленина.

Жизнь вознаградила его. Она его не уступила смерти.

И мы, писатели, гордясь героем, который продолжает свое бытие в жизни, видим в этом для себя важное напоминание: да ведь именно этого должен желать каждый писатель! Именно о таком вторжении своего героя в жизнь и мечтает каждый из нас.

Образ неутомимого, веселого, бесстрашного Павки Корчагина, образ-девиз, поэзия на службе живой действительности напоминает всем нам, писателям, критикам, поэтам: будем создавать, будем осмысливать явления советской литературы не только в пределах их узко-художественного бытия, но и в огромной сфере их служения народу.